

II. ИНФОРМАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ. УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ И РИСКАМИ

УДК 340.134

© Ларина Е. С.
Larina E.

ЭЛИТНЫЙ ПАРАДОКС

ELITE PARADOX

Аннотация. Статья посвящена концептуальным принципам изучения наднациональных элит и обоснованию их структурной конфигурации. В ней разобраны основные работы, опубликованные на эту тему, а также предложены новые подходы к созданию классификационной решетки для анализа гетерархий наднациональных элитных сетей.

Annotation. The article is devoted to the principles of the conceptual study of supranational elites and justification of their structural configuration. It dismantled the main papers published on this topic, as well as new approaches to the creation of a classification lattice analysis Heterarchy supranational elite networks.

Ключевые слова. Мировые элиты, финансово-экономические элиты, сети, иерархии, гетерархии, принцип деятельности, фининтерн, корпоратократия, гиконмиксы, силовики, Большие Данные, интеллектуальный анализ, исследовательская аналитика.

Key words. World elites, financial and economic elite network hierarchy, heterarchy, working principle, finintern, corporatocracy, gikonomiksy siloviki, Big Data, Mining, investigative analyst.

К середине десятих годов нынешнего века сложилось парадоксальное положение. Профессиональные и социальные СМИ заполнены статьями о господствующих элитах. Телевидение и видеоканалы Интернета постоянно транслируют сюжеты об одном проценте населения, который господствует над миром. В Соединенных Штатах и континентальной Европе выходит большое количество литературы об элитах. При этом основная часть подобных книг написана в жанре нон-фикшн и является не столько результатом глубоких аналитических исследований, сколько журналистским обобщением горячих, интересующих общественность, тем. Характерными примерами таких книг являются: «The Global Power Elite and the World They Are Making» Давида Роткопфа, «Plutocrats: The Rise of the New Global Super-Rich and the Fall of Everyone Else» Кристи Фриланд и им подобные.

Сложившееся положение резко контрастирует с ситуацией, существовавшей до второй половины 70-х годов XX века. В тот период велась скрупулезная академическая работа, базирующаяся на обобщении огромного статистического материала по выявлению структуры и конкретного состава элитных групп. Параллельно осуществлялись

глубокие исследования по теории элит, связанные с разработкой концептуальной базы элитного анализа. Именно к середине прошлого века сложились основные направления теории элит, разработанные Гаэтано Моска, Вильфредом Парето и Робертом Михельсом, а также Самуэлем Липсетом, Чарльзом Миллсом и др.

В конце 60-х – начале 70-х годов XX века были написаны основные работы, где подводились итоги документального анализа финансово-экономических элит. Среди них следует выделить, прежде всего, книги «Богачи и сверхбогачи: о подлинных правителях Соединенных Штатов» Фландберга, «Сильные мире сего: бизнес и бизнесмены в американской истории» Б.Селигмена и «Властвующие элиты» Ч. Миллса и т.п., оперативно и качественно переведенные на русский язык и изданные в СССР.

Странность сложившегося в настоящее время положения с изучением элит усугубляется рядом дополнительных обстоятельств:

- во-первых, имеются и пополняются практически в режиме реального времени огромные массивы материалов, характеризующие собственников, управленцев, стейкхолдеров практически всех компаний, а так-

Ларина Елена Сергеевна – независимый эксперт, Сообщество практиков конкурентной разведки.

Larina Elena - independent expert, Community of practice of competitive intelligence.

же все существенные факты, касающиеся сколько-нибудь заметных субъектов экономической деятельности в подавляющем большинстве стран мира. Сегодня открыты огромные базы и архивы подобной информации, охватывающей все основные страны мира и отрасли экономики. Иными словами, для исследователей доступны просто необозримые «залежи» первичного, фактографического материала. Удивительно, что в настоящее время сделана лишь одна попытка такого анализа, проведенная группой исследователей из Цюрихского технологического университета «The network of global corporate control» Stefania Vitali, James B. Glattfelder and Stefano Battiston. Работа имела оглушительный резонанс;

- во-вторых, сегодня в распоряжении исследователей имеется множество платных и бесплатных компьютерных программ, позволяющих работать с большими данными, вести детальный сетевой анализ, распутывать сложные клубки взаимосвязей, находить в массивах информации неочевидные закономерности, сведения о лицах, событиях, взаимосвязях и т.п. При наличии огромных архивов цифровых СМИ, переведенных в цифровую форму практически по всем основным странам мира, это позволяет применить в полном объеме методы исследовательской аналитики и по наблюдаемым и фиксируемым фактам находить скрытые и скрываемые закономерности, связи и отношения;

- в-третьих, буквально в последний год частично в результате преднамеренных утечек, спровоцированных разведывательными органами, частично в результате целенаправленной работы налоговых органов и органов финансового контроля основных стран мира, по сути, канула в лету банковская тайна и анонимность оффшорного и трастового владения. На волне разоблачений появились даже специализированные компьютерные сервисы, позволяющие отыскать скрываемые оффшорные компании у известных легальных юридических и физических лиц. С учетом того, что элитные группы активнейшим образом использовали оффшорные убежища, такое изменение ситуации резко повысило возможность реального анализа структуры финансово-экономических групп.

Однако, несмотря на единичные работы, по сути, документированных исследований структуры финансово-экономической элиты основных стран мира вот уже в течение более чем 15 лет не опубликовано в виде монографий, открытых докладов и т.п. В поисках ответа на этот вопрос автор статьи обратилась к одному из наиболее авторитетных и известных специалистов в области анализа элит автору многократно переиздававшейся книги «Who Rules America Now?» профессору Уильяму Домхоффу. Го-

сподин Домхофф подтвердил, что, действительно, с начала века в Соединенных Штатах не вышло ни одной обобщающей работы по структуре финансово-экономической элиты США, где были бы подробно рассмотрены ее основные группы и связи между ними. Основную причину сложившегося положения профессор видит в том, что эта тема уже длительное время не поддерживается грантами, которые являются в Соединенных Штатах основным инструментом научной деятельности. При этом можно предположить, что, тем не менее, такие исследования в Соединенных Штатах, Европе, Китае ведутся, но их результаты засекречиваются корпорациями или близкими к разведывательно-промышленному комплексу «думающими танками», которые их осуществляют.

К сожалению, весьма плачевная ситуация относительно документального анализа западных элит сложилась и в России. Между тем, востребованность темы возрастает, что называется не по дням, а по часам. Этому способствует целый ряд обстоятельств.

Прежде всего, вот уже длительное время происходят интенсивные процессы своеобразной приватизации ведущих западных государств. Этот процесс выражает себя, в частности, в том, что публичные представительные структуры власти все больше становятся лишь внешними формами по отношению к реальным структурам господства и принятия решения. Соответственно, для того, чтобы максимально эффективно взаимодействовать и противоборствовать с теми или иными акторами на политической арене надо точно понимать структуру финансово-экономической элиты и тенденции ее изменения. Кроме того, непростая, все более усложняющаяся геополитическая обстановка в мире предполагает максимальное использование несовпадения интересов различных элитных групп, а также выстраивание отношения с теми из них, чьи текущие или перспективные задачи совпадают с российскими интересами.

Справедливость оценки уровня исследований финансово-экономических элит как неудовлетворительного не сложно продемонстрировать на примере двух имеющих наиболее широкое хождение в экспертном сообществе подходов к структурированию элит.

Как это ни удивительно, немалая часть экспертного сообщества, например, В. Катасонов и В. Павленко продолжают сводить элитные противоречия к борьбе так называемых кланов Рокфеллеров и Ротшильдов. При этом, хотя подобные тексты претендуют на принадлежность не к публицистике, а к науке, в их подтверждение не приводится ни одного доказательства. Оно и понятно. Таких доказательств просто не существует в документи-

рованном виде. Что же касается ссылок на частные разговоры и недокументированные источники, подобная непроверяемая аргументация лежит за пределами науки и серьезной аналитики.

Другой популярный в экспертном сообществе подход был предложен известным колумнистом, спикером и исследователем М. Хазиним. В статьях, написанных в 1023 г., он высказал гипотезу раскола элит на три составные части, а именно: так называемых «менял», «процентчиков» и «региональных процентчиков». Анализ публикаций, где изложена подобная позиция, позволяет сделать вывод о том, что менялы от процентчиков отличаются источником дохода финансовых институтов, находящихся под контролем соответствующих групп. В случае менял эти доходы связаны с извлечением прибыли из валютных и финансовых рынков. В случае процентчиков главные источники прибыли лежат в традиционном кредитовании и близости к источникам эмиссии – ФРС и проч.

Принципиально исследователь может строить любые классификации, которые помогают изучать реальные экономические процессы, и задают своего рода исследовательскую картину мира. Однако представляется, что в данном случае такая классификация скорее затемняет, чем проясняет экономические процессы. Поскольку предложенная классификация претендует на анализ финансовой элиты, то естественным будет рассмотрение балансов основных банков. Благо, что таковых немного. Нельзя не согласиться с названием мирового экономического бестселлера "13 банков, которые правят миром" Саймона Джонсона, Джеймса Квака. Даже если анализ расширить с 13 банков до 29 основных финансовых институтов планеты, найденных исследователями из Цюрихского технологического университета в упомянутом выше исследовании, то обнаружится, что серьезных расхождений в структуре балансов, позволяющих группировать эти институты на указанные группы, в реальности не существует. Доходные части балансов основных мировых банков весьма схожи между собой.

В то же время подход М. Хазина имеет определенный смысл, если перенести его из финансово-экономической сферы в политическую. Под таким углом зрения процентчики превратятся в политические элиты, делающие ставку на глобализацию, ориентированную не на какие-то конкретные страны, а, на мировое хозяйство и политическую структуру в целом. Менялы в этом смысле превращаются в часть элиты стран, так называемых региональных лидеров. Целью этих элитных групп становится поворот процессов глобализации вспять и членение единого мира

на несколько зон, в которых может быть реализована автаркия, т.е. замкнутость зоны на саму себя при минимуме внешней торговли. И, наконец, региональные процентчики – это имперская политическая элита США, ставящая на глобальное и единоличное лидерство США в мире, либо поделенном на зоны, либо представляющим единое целое. Само по себе такое членение достаточно любопытно, однако не может выступить в качестве базисного. Ведь базисом в конечном счете всегда выступают технологии, организационные и финансово-экономические отношения, а не политические предпочтения.

В то же время, как показывает практика, наиболее эффективным способом осуществления исследовательских программ является, как убедительно показал профессор А. Брушлинский, является метод анализа через синтез. А синтез, как справедливо отмечает Ю. Овчинников в своей пионерной работе «О природе случайности», обязательно предполагает наличие концептуальной схемы, которая имеется у исследователя еще до анализа эмпирического материала. Указанная схема помогает организовать эмпирический материал и в ходе исследования либо находит свое подтверждение, либо должна быть отброшена как не отвечающая фактологической картине мира.

Чтобы сформировать предварительную гипотезу относительно структуры основных элитных групп необходимо опереться на наиболее сильные, действительно привносящие новое в элитный анализ работы, вышедшие в последнее время. Речь идет в первую очередь о цикле работ знаменитого социолога С. Манна о сетях власти «The Sources of Social Power: Volume 1-4» и работах А. Фурсова «Колокола истории» и «Глобальные игроки – за исключением Китая – не государства, а устойчивые сетевые структуры». Также нельзя не включить в этот ряд работу профессора Принстонского университета М. Гиленса «Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens», и исследование С. Витали, Дж. Гладфелдера и С. Биттистона «The network of global corporate control». Краткая выжимка из этой работы под названием «147 корпораций, которые контролируют мир» была перепечатана всеми ведущими научными и популярными электронными и бумажными изданиями во всех странах мира, в том числе и в России.

Между тем, несмотря на всю сенсационность исследования, оно отражает лишь часть картины. Более того, в определенной степени его результаты показывают весьма искаженную картину. Дело в том, что, как эмпирически показал Э. Маршалл из Института Хэмптона и неопровержимо математически доказал российский математик В. Подиновский, элиты, даже в условиях существова-

ния сети перекрестного владения акциями, не представляют собой однородной системы.

Для выделения крупных структурных блоков в сложной системе мировых элит лучше всего подходит, по нашему мнению, критерий деятельности элитных групп. Именно деятельность определяет, какие технологии и ресурсы используются, какова структура активов и пассивов элит, на какие политэкономические отношения и функции они опираются, в чем особенности их взаимосвязи с другими элитными группами и слоями общества и т.п.

В современном глобальном мире потребительского финансизма по критерию деятельности четко выделяются три элитные группы. Естественно, что такое выделение не абсолютно, группы переплетаются между собой, имеют зачастую общих представителей в структурах политической власти и т.п. Однако при этом способ их существования, экономические интересы, механизмы политического доминирования и т.п. существенно различаются.

Первая группа – это, несомненно, хозяева сегодняшнего мира, финансисты, или, как их недружелюбно называют в СМИ – банкстеры. Они являются не только в значительной мере хозяевами эмиссионных центров, но и получают и контролируют львиную долю доходов глобальной экономики. Например, в Соединенных Штатах доля прибыли финансового сектора в общем объеме выросла с 10% до Второй мировой войны до более чем 50% в настоящее время. Полное господство финансистов окончательно установилось с перестройкой в Советском Союзе и многократно упрочилось после его распада.

Вторая группа – это транснациональные компании традиционных отраслей экономики, порожденные второй производственной революцией, а также международные торговые компании. Эту группу еще часто называют корпоратократией. Ее расцвет приходится на годы «холодной войны» с СССР, а конкретно со второй половины 50-х годов прошлого века до краха СССР в 1991 г. В последние 15-20 лет она перестала выступать конкурентом финансистов в борьбе элит и превратилась в, по сути, подчиненную им группу. Это, в частности, наглядно продемонстрировало упомянутое выше исследование «The network of global corporate control». В условиях перманентного снижения темпов экономического роста на протяжении последних десятилетий, падения нормы прибыли и действия мощных механизмов перераспределения прибылей, доходов и инвестиций из реального сектора в финансовую систему у этого сектора фактически оказались исчерпаны внутренние драйверы и ресурсы развития. Его существование оказалось подчинено и с точки зрения формирования инвестиций, и с позиций

владения капиталом, и по критерию обеспечения спроса на продукцию, финансовой элите глобального мира.

В последние 40 лет происходило постепенное формирование третьей группы мировой элиты, связанной с высокими технологиями, а в будущем с разворачивающейся Третьей производственной революцией. Фактором формирования третьей группы элиты стала «холодная война» между СССР и США – своеобразное преддверие Третьей производственной революции. Именно в тот период государства стали вкладывать огромные ресурсы в научные исследования и новые производственные технологии, которые могли использоваться как в военном, так и в гражданском секторах экономики. Например, в США, Европе и Японии именно государства сформировали высокотехнологичные сегменты, создали механизмы их финансирования, а также обеспечили трансферт технологии из государственного сектора в частный для их коммерциализации и использования для производства товаров и услуг в секторе конечного потребления домохозяйствами.

Об этом убедительно свидетельствуют написанные на основе обобщения огромных массивов достоверных эмпирических данных книги М.Маззукато «The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths (Anthem Other Canon Economics)» и Ф.Блок, М.Келлер «State of Innovation: The U.S. Government's Role in Technology Development». Именно государство создало, по сути, Силиконовую долину, обеспечило стартовый капитал венчурных фондов, дало заказы университетам, сформировало устойчивые производственные программы гигантам американской высокотехнологичной индустрии. Американские высокотехнологичные компании в сфере информационных технологий, робототехники, биотехнологий и т.п. являются исходно в значительной мере порождением военно-разведывательного комплекса. В этом смысле третью группу элит можно назвать «силовиками», памятуя о знаменитом выражении Френсиса Бэкона «Знание – сила». Другое название для этой группы предложил известный криптограф, один из бывших руководителей компании Apple, отставной сотрудник АНБ Д. Райс в своей книге «Geekonomics». Он предложил называть эту третью группу «гиконотомиксами».

Однако для того, чтобы вникнуть в ситуацию с сегодняшними элитами, недостаточно просто классифицировать их по принципу деятельности. Существует еще как минимум три тонких момента, без рассмотрения которых невозможно сколько-нибудь адекватно понять внутриэлитные процессы и соответственно отношения элит к новым процессам и явлениям, типа третьей производственной революции, слову Вестфальской мировой си-

стемы, деривативам, Биткойнам и т.п.

Прежде всего, нельзя не отметить происходящую в значительной части мира трансформацию государства как важнейшего института человеческого общества. Среди самых разнообразных процессов в этой сфере типологически можно выделить три. Во-первых, все шире происходит передача государственных функций на аутсорсинг частным компаниям. Например, число частных подрядчиков американского разведывательного сообщества перевалило за тысячу компаний. Во-вторых, все шире происходит своеобразная приватизация государства и отдельных его институтов, используемых как активы частными группами и группами влияния. Одним из примеров такой приватизации является деятельность ФРС, которая по законодательству выполняет функции государственного агентства Соединенных Штатов. Хорошо известно, как в разгар кризиса частным банкам было передано на длительный срок беспроцентных кредитов на более чем 3 трлн. долларов. Наконец, в-третьих, все шире происходит передача функций от государства, где ключевую роль играет пусть декларируемая, но все-таки по факту представительная власть, к различного рода надгосударственным, никем, по сути, не контролируемым структурам, где все решают неподотчетные чиновники. Такие претензии предъявляются к формируемым в настоящее время Трансатлантическому инвестиционному и торговому партнерству и Транстихоокеанскому торговому партнерству. При ослаблении по факту роли представительного государства, увеличивается господство крупнейших компаний, корпораций, банков, а также неформальных групп и других образований самой разнообразной конфигурации.

Вторым аспектом, который нельзя не принимать во внимание, является все большее расхождение интересов различного рода институтов и организаций, с одной стороны, и действующих внутри них групп – с другой. В 80-х годах прошлого века А. Лазарчук и П. Лелик опубликовали эссе «Голем хочет жить». В нем они впервые показали, что крупные организации типа министерств, разведывательных агентств, транснациональных корпораций и т.п. демонстрируют квазиразумное поведение. Развивая идеи Р. Акоффа, они показали, что такие организации имеют собственные цели, которые могут не полностью совпадать с законодательными или другим образом нормативно установленными функциями. Причем, это целенаправленное поведение осуществляется в каком-то смысле независимо от конкретных лиц, возглавляющих указанные организации, и в большей мере определяется сложившимися внутренними процедурами и технологиями, а также различного рода неформальными правилами и ценностями,

присущими конкретной организации или институту. В последующем эта гипотеза получила многочисленные эмпирические подтверждения на материалах самых различных стран мира. Такой подход хорошо объясняет известные всем факты, когда вновь назначенные руководители организации не могут изменить характер ее деятельности.

Уже в этом веке на Западе Дж. Ходжсон и Т. Кнудсен, а в России М. Мусин установили, что внутри крупных организаций с неизбежностью появляются группы с собственными интересами. При этом чем больше организация и чем строже в ней соблюдается внутренний режим секретности, тем с большей вероятностью эти группы могут конкурировать между собой, даже не зная о существовании друг друга. Каждая из указанных групп старается использовать квазиразумное поведение организации в собственных интересах.

Наконец, третий аспект связан с необходимостью демифологизации элитного анализа. Длительное время господствовало понимание элит как малоподвижных иерархий, в которых несколько групп ведут непримиримую борьбу между собой. Причем, как правило, эти иерархии относятся к числу жестких структур и существуют в неизменности длительное время, превышающее жизненные циклы нескольких поколений. Именно на данной послышке долгие годы было построено большинство работ по анализу элит.

Поскольку в условиях перехода после завершения «холодной войны» мировой системы в высокодинамичную, турбулентную фазу своего существования перестали обнаруживаться данные, подтверждающие наличие жестких иерархий, как основного принципа организации элит, то на их место пришла так называемая сетевая модель. Отношения внутри элит стали трактоваться как сети со всеми вытекающими из этого последствиями. С развитием Интернета такая модель стала абсолютно господствующей. Из нее исходит подавляющее большинство современных исследований элит.

Комбинация указанных выше трех обстоятельств привела к появлению принципиально нового подхода. Суть его – в констатации необратимого упадка элит всех типов и перехода власти к децентрализованным малоконтролируемым сетям, типа Аль-Каиды или группы активистов Дж. Ассанжа. Наиболее ярко этот подход выражен в международном политическом бестселлере 2013 г., книге М. Наима «End of Power». Ее главный тезис состоит в том, что власть теперь легко «взять», но она оказывается бессильной. Реальное господство перестало быть сосредоточено в руках элит, а оказалось как бы распределенным, «размазанным» по множеству слабосильных, и эффектив-

ных лишь на короткое время сетевых структур.

Однако представляется, что говорить о конце власти преждевременно. В случае элит действует универсальный принцип: в реальности все происходит не так, как кажется на первый взгляд. Еще в 30-40-х гг. прошлого века российский биолог Н.Тимофеев-Ресовский установил, что наиболее успешно адаптируются к быстроизменяющейся ситуации те живые организмы, в которых наиболее четко проявляется блочный принцип организации. Если переводить это на привычный язык, то речь идет о иерархо-сетевых структурах. В 1945 г. американский математик и биофизик У.Маккалок разработал знаменитые нейронные сети, которые сегодня лежат в основе интеллектуального анализа Больших Данных. Занимаясь вопросами нейронных сетей, он вывел принцип организации живых организмов, который получил название гетерархии. В 2009 г. профессор Корнуэльского университета Д. Старк выпустил книгу «The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life». Он обнаружил, что гетерархия является организующим принципом не только для живых организмов, но и в хозяйственной деятельности.

Мы полагаем, что этот же принцип лежит в основе формирования и функционирования современных элит. Гетерархия – это сложная адаптивная система, включающая сильные устойчивые сетевые (горизонтальные) связи и пластичные, динамичные организующие иерархии (вертикальные связи), чей конкретный состав зависит от внутренних факторов и изменений внешней среды, т.е. в основе любой элиты лежат сетевые взаимодействия, обусловленные общим характером деятельности. Но в рамках этих сетевых связей образуются различные обособленные группы. Эти группы в зависимости от ситуации выстраиваются в иерархии, т.е. отношения господства-подчинения, которые и организуют эти самые гетерархии, обеспечивая их существование в мире. В качестве метафоры гетерархии можно предложить группу велогонщиков, которая уходит в отрыв от основного пелетона. По сути, все участники группы равны, но в зависимости от тактики всей группы, наличия сил у каждого из ее участников и других факторов, тот или иной участник группы отрыва берет на себя функцию лидера и старается, чтобы отрыв группы от пелетона не сокращался, а возрастал.

Современные элиты организованы по принципу гетерархии. Есть гетерархии финансистов, корпоратократов, силовиков или экономистов, в которых внутреннее сотрудничество сопровождается постоянной конкуренцией и переменчивым балансом сил внутри гетерархии в зависимости от изменения внешней среды и внутренних обстоятельств.

Важнейшей характеристикой всех элитных групп является их наднациональный характер. Наднациональные иерархо-сетевые структуры правящих элит сложились еще в последней четверти XIX и начале XX веков в период первой глобализации. С тех пор лишь менялись их конфигурация, иерархия, соподчиненность и состав групп. При этом мировая элита, т.е. правящий класс, слой никогда не была единой. Более того, она практически никогда в последнем столетии не делилась жестко по странам и регионам. Уже давно география осталась для школы, а в жизни стала господствовать метаполитика. Метаполитика означает «сверх». Когда мы говорим о метаполитике, то строго говоря, рассматриваем единство политики, экономики и культуры, реализуемые через власть.

Обычно складывание наднациональных групп мировой элиты относят к гораздо более позднему времени – к концу 60-х – началу 70-х гг. XX века, когда западная корпоратократия и фининтерн или банкстеры наладили контакты с частью верхушки советской номенклатуры. Однако такая позиция является явным упрощением.

Давайте пристальнее присмотримся к периоду, когда, казалось бы, ни о каких наднациональных элитах речи идти не могло, а именно времени, когда Советский Союз, возглавляемый И.В. Сталиным, находился в непримиримом противостоянии с капиталистическими странами.

Однако в этом случае придется ответить на один неудобный вопрос. А именно об индустриализации СССР. Как это ни удивительно, ни в Советском Союзе, ни в современной России не издано ни одной монографии об участии Запада в сталинской индустриализации. Не слишком много таких работ и на Западе. К числу редких исключений, в частности, относится трехтомник Энтони Саттона «Western Technology and Soviet Economic Development».

А, между тем, материала на эту тему более чем достаточно. Сам И.В. Сталин никогда не скрывал роль сначала Германии, а затем США в советской индустриализации. Он, например, отмечал, что: «Мы многим обязаны Генри Форду. Он помог нам строить автомобильные заводы... Советские люди многому научились у американцев. Американский опыт был использован при создании советской промышленности». Без участия американских и европейских фирм не появились бы в считанные годы ДнепрогЭС, Магнитогорский металлургический комбинат, Нижегородский автозавод, химическая, авиационная, электротехническая промышленность, военно-промышленный комплекс. 90% наиболее крупных объектов индустриализации были сооружены с участием американцев как в части поставок комплектного оборудования (что называется «завод под ключ»), так и собственно проектирования, ор-

ганизации строительства и т.п. Часто говорят о том, что на самом деле эти поставки были более выгодны для Запада, поскольку там был экономический кризис, так называемая «Великая депрессия», а Советский Союз представлял едва ли не единственную, динамично развивающуюся страну. Но опять же в этом утверждении имеется очень большая доля лукавства. Весьма значительная, а в отдельные годы и преобладающая доля затрат, связанных с закупкой оборудования и оплатой проектов предприятий покрывалась за счет корпоративных и государственных западных долгосрочных кредитов в 20-е гг. прежде всего из Германии, а в 30-е из США и Британии.

Кстати, не случайно, что еще в середине 20-х гг. XX века Рокфеллеры активно пришли в Россию и реконструировали закавказские нефтепромыслы, нефтепроводы и танкерные стоянки. В то же время Ротшильды через нефтяную компанию Royal Dutch Shell, во главе с тогдашним ее руководителем Детеррингом, активно финансировали не только антисоветское белое подполье, но и троцкистскую оппозицию. Все это позволяет говорить о том, что даже в сталинские времена речь шла в каком-то смысле об наднациональных группах элит. В некоторой степени советская индустриализация была сознательным ответом западных корпоратократов на удар, нанесенный им еще в начале XX века принятым по инициативе банкиров антитрестовским законодательством, направленным в первую очередь против промышленников и последовавшим за созданием в 1913 г. Федеральной резервной системой США выходом на первые роли финансистов.

Бытует мнение, что единственной национальной элитой в сегодняшнем мире является китайская элита. Однако и здесь все не так просто. Когда в 1971 г. Генри Киссинджер прилетел в Пекин восстанавливать политические, экономические и даже секретные военные отношения между США и Китаем, то, по свидетельству одного из его близких советников, они с удивлением обнаружили в ближайшем окружении китайского руководства и, прежде всего, Чжоу Эньлая британских советников. Кстати, и все нынешнее китайское экономическое чудо начиналось со свободных экономических зон в прибрежных южных районах Китая. В них и по сей день сосредоточена основная часть китайского промышленного потенциала.

Главным источником финансирования и трансфера технологий в свободные экономические зоны был Гонконг, ныне часть Китая с особым статусом, а тогда одна из последних британских колоний, управляемых генерал-губернатором. Но гораздо более важным являлось то, что Гонконг был не просто британской колонией, а подлинным форпостом, своего рода бастионом лондонского

Сити в Азии. Именно в Гонконге были открыты филиалы всех крупнейших британских банков, а также основаны собственно гонконгские банки преимущественно с британским и частично голландским капиталом.

В конце 60-х гг. прошлого века под флагом теории конвергенции, т.е. сближения капитализма и социализма, часть российской номенклатуры пыталась влиться в мировую корпоратократию. Она полагала, что игра идет на равных и в итоге ей удастся успешно интегрироваться в мировую корпоратократическую группу элиты в качестве равного полноправного партнера. Однако, как мы знаем, на деле получилось по-другому. Ирония истории заключалась в том, что от краха Советского Союза не слишком выиграли и западные корпоратократы. Если в годы «холодной войны» с ее гонкой вооружений, борьбой за страны третьего мира, экономическим соревнованием двух систем фининтерн был вынужден делить власть и партнерствовать с корпоратократами, то с крушением Советского Союза ситуация коренным образом изменилась.

Корпоратократы, которые исторически представляли собой стейкхолдеров, основных акционеров и верхушку топ-менеджмента в транснациональных промышленных, логистических и других корпорациях реального сектора экономики, оказались фактически в полном подчинении у финансистов. Достаточно внимательно проанализировать статистику, характеризующую основные показатели динамики западных стран и особенно Соединенных Штатов Америки, чтобы убедиться, что фактически с начала 90-х гг. мы имеем совершенно иной строй, нежели тот, который существовал до крушения Советского Союза.

Если говорить грубо, то можно сказать, что капитализм перешел в стадию финансизма. В этой стадии финансы окончательно перестали обслуживать экономику. Они превратились в самодостаточный, более того, главный сектор мирового хозяйства. Именно в 90-е гг. были отменены практически все ограничения на банковскую деятельность, появились новые спекулятивные рынки капитала, родились деривативы. Начиная с этого же периода весь мир охватило безудержное потребительство, или, как говорят, консьюмеризация, означающая жизнь в кредит. Фактически суть финансизма можно выразить всего навсего в трех цифрах. Вся мировая реальная экономика, включая в том числе и необыкновенно разросшуюся сферу услуг, сегодня составляет в год примерно 80 трлн.долларов. Мировой финансовый рынок в год оценивается порядка 800 трлн.долларов, а с учетом деривативов – более чем в квадриллион. Таким образом, на реальную экономику приходится в лучшем случае не более 10% мирового денежного оборота.

Но вернемся от истории к реалиям сегодняшнего дня. Фактически в мировой наднациональной элите сложились три очевидные и хорошо распознаваемые группы.

Первая из них – это финансисты, фининтерн или банкстеры. Господствующую позицию в этой группе занимают крупнейшие мировые банки, от которых в решающей степени зависит вся мировая экономика, прежде всего банки лондонского Сити и нью-йоркской Уолл-Стрит. Они в значительной степени контролируют Федеральную резервную систему США и банк Англии. С ними вынужденные считаться Европейский центральный банк, национальные банки Японии и Швейцарии. Конечно, в состав финансовой элиты входят не только сами по себе крупнейшие банки, но и банки помельче, а также связанные с ними хеджфонды, страховые компании, инвестиционные фонды и т.п.

Главной характеристикой этой части мировой элиты является то, что она способна наращивать капитал и делать деньги из воздуха практически в прямом смысле слова. До сих пор неизвестно, кто в конечном счете контролирует ФРС. Зато хорошо известно, кто получает триллионные кредиты на длительные годы под 0,25% годовых. Вот получатели этих, по сути, бесплатных, бесконечно пролонгируемых кредитов, которые и кредитами назвать трудно, и являются хозяевами сегодняшнего мира.

С 70-х гг. прошлого века фактически составной, хотя и наиболее слабой, подчиненной частью финансовой элиты стала элита нефтяников и газовиков. Доллар не смог бы выжить как мировая валюта, если бы с конца 60-х гг. прошлого века все расчеты по нефти и энергетическим ресурсам в целом не осуществлялись бы исключительно в долларах. В этом смысле крах Советского Союза, одной из крупнейших, если не крупнейшей энергодобывающей державы мира, являлся обязательным условием выживания доллара, как главной мировой валюты и условием установления абсолютного доминирования фининтерна в мировом правящем классе, а соответственно и торжества финансизма как нового глобального общественного строя.

Вторая – некогда равная по силам фининтерну, а теперь явно подчиненная группа мировой элиты это корпоратократия. В сегодняшнем мире к ней относятся топ-менеджеры и ключевые акционеры транснациональных монополий, нефинансовых и невысокотехнологичных секторов мировой экономики. Другой составляющей корпоратократии является высший уровень мирового чиновничества, особенно наднациональных государственных, финансовых, экономических структур, типа МВФ, Всемирного банка, структур Европейского союза и т.п. По сути, корпоратократы являются той частью мировой элиты, ко-

торая контролирует традиционную производящую экономику. То есть то, чем люди и компании пользуются каждый день, начиная от производства поездов и автомобилей и заканчивая одеждой и бытовой техникой.

Третья часть мировой элиты начала складываться еще в 70-80-е гг., но в полный голос заявила о себе и своих претензиях на лидерство уже после кризиса 2008 г. Она сложилась в первую очередь вокруг ведущих университетов таких стран, как США, Япония, Великобритания, Франция и др. Ведущие университеты мира, в отличие от российских учебных заведений, давно представляют собой не просто образовательные центры, а исследовательско-производственно-кадрово-коммерческие структуры с миллиардными оборотами. Именно здесь впервые появились и были доведены до коммерческого уровня все основные информационные технологии, позволившие осуществить интернет-революцию. Но информационными технологиями дело не исчерпывается. Здесь же уже долгие годы ведутся успешные исследования в сферах биотехнологий, поведенческих наук, разработки принципиально новых видов материалов и методов их обработки, роботизации и т.п.

На базе университетов появилась новая экономика, которая изначально подпитывалась не банковскими деньгами, а дотациями государств так называемым рисковым или венчурным капиталом и механизмами коммерциализации интеллектуальной собственности через фондовый рынок. Естественно, что эта экономика в первую очередь была связана с военно-разведывательным сегментом власти. Именно военные и разведка выступали основными заказчиками, а соответственно и своего рода спонсорами новой экономики.

Нельзя не отметить, что этот сектор сложился в немалой степени под воздействием опыта Советского Союза, где роль университетов выполняли крупнейшие научно-исследовательские институты, успешно работавшие буквально до последних дней существования Советского Союза по означенным выше направлениям. Американцы это и не скрывают. Нынешний главный советник Б.Обамы по науке Дж. Холдрен недавно сказал, что передовая американская наука и индустрия в значительной степени появились на свет благодаря масштабным инициативам Джона Кеннеди, который прямо в своих речах говорил о том, что Америка должна ответить на технологический и научный вызов Советов.

Сегодня можно говорить, что ранее разрозненные исследовательские и коммерческие кластеры, относящиеся к различным сегментам новых технологий, а также властные и, прежде всего, военные и разведывательные

структуры, сплелись в единое целое, организованное на иерархо-сетевой основе и ставшее отдельной обособленной и в значительной мере независимой частью мировой элиты. Вслед за шведскими исследователями Зондерквистом и Бердом многие их называют нетократами, другие – гиконимиками. На наш взгляд, исходя из отечественных традиций, их можно назвать «силовиками». С одной стороны, такое название прямо отсылает к знаменитому высказыванию Ф. Бэкона «знание – сила», а с другой – подчеркивает, что главной организующей и финансирующей силой этой группы были военно-промышленный комплекс и разведывательные сообщества разных стран.

Почему именно сегодня разгорелась схватка между финансистами или, как их еще называют, банкстерами и силовиками при участии корпоратократов на той и другой стороне?

Подавляющее большинство аналитиков считает, что единственный шанс для Соединенных Штатов, Японии и в значительной мере Западной Европы выйти из кризиса состоит в том, чтобы сделать упор на новую экономику, осуществить в широких масштабах третью производственную революцию.

В начале этого года МТИ, RAND, Токийский университет и Европейский центр оценки технологий выпустили доклад «Технологическое развитие 2025». Они предложили заменить наименование NBIC на NIBEP (neurosciens, information technology, bio-technology, energy revolution, production. Новая производственная революция базируется на робототехнике, 3D печати, композиционных материалах и т.п.).

В докладе сделан вывод, что существуют 24 критические технологии. Те, кто обладает всеми этими технологиями, смогут осуществить новую технологическую революцию, запустить новую экономику. Согласно докладу, у американцев есть готовые 21 технология, у японцев – 17, у Европейского сообщества – 14, у Израиля – 9, у Южной Кореи – 8, у Китая – 7 и четыре у России.

Наиболее авторитетные «фабрики мысли» приходят к выводу, что выживание американского, японского и западноевропейского социумов в решающей степени зависит от того, удастся ли им запустить на полные обороты новую экономику или нет. Соответственно, запуск новой экономики предусматривает несомненное доминирование гиконимиков, или силовиков, и той части корпоратократов, которая сумеет приспособиться к новым реалиям.

Как отмечают практически все исследователи новой экономики, финансовая система в том виде, в ко-

тором она существует без малого три века, оказывается просто ненужной. Банкстеры, располагая огромными ресурсами и, естественно, квалифицированными мозговыми трестами прекрасно понимают тенденции развития технологий и отдают себе отчет в тех коренных изменениях в балансе мировых элит, которые эти технологии с собой принесут. Поэтому фининтерн не остановится ни перед чем, чтобы не допустить утраты своего доминирующего положения в наднациональной элите, включая организацию рукотворного нового экономического кризиса или даже большой, но не тотальной войны. Банкстеры сегодня находятся в ситуации, когда отступить им просто некуда.

Борьба между различными частями элит ведется сегодня практически во всех сферах – и в сфере технологий, и в экономике, и в политике, и в культуре. Чаще всего она происходит «под ковром», невидимо, и остается малозаметной, а главное совершенно недокументированной для сторонних, не входящих в элиту наблюдателей. Однако в последнее время борьба достигла такого накала, что все чаще выплескивается на поверхность. Лучшие примеры: непрерывные утечки по оффшорам, эпопея Дж.Ассанджа, дело Э.Сноудена, расследование картельных сговоров крупнейших банков на всех основных финансовых рынках от ставок кредитования до рынков нефти и металлов и т.п.

Борьбу банкстеров, и традиционных корпоратократов, с одной стороны, и гиконимиков в связке с наиболее продвинутыми в технологичном плане корпоратократами – с другой, очень часто сводят к борьбе между технологическими укладами, т.е., грубо говоря, между старыми технологиями индустриальной эпохи и новыми технологиями постиндустриальной производственной экономики. Однако представляется, что дело здесь гораздо глубже. По сути, мы стоим на пороге такого же переворота в жизни всего человечества, какой произошел в результате промышленной революции конца XVIII – начала XIX веков. Возможно, речь идет еще о более масштабном сдвиге, сравнимом с неолитической революцией. Некоторые, например, один из руководителей Google Эрик Шмидт говорит даже о возможности изменения в антропологическом типе человека. И принципиально важно, чтобы Россия не просто нашла свое место в этом процессе, но и выступила одним из лидеров. Этому способствуют многие обстоятельства нашей давней и совсем недавней истории, а также события, происходящие в настоящее время.

Материал поступил в редакцию 22. 05. 2014 г.